

Права Ходжаева
23 АПР 1984
ТАШКЕНТ

БОЛЕЕ трех с половиной веков не сходят с театральных сцен мира, волнуют и потрясают воображение зрителей бессмертные пьесы гениального английского драматурга Вильяма Шекспира, 400-летие со дня рождения которого по решению Всемирного Совета Мира отмечает сегодня все человечество.

Он жил в эпоху Возрождения, которая, по определению Энгельса, была эпохой величайшего прогрессивного переворота, огромных социальных сдвигов, когда совершался переход от феодального строя к буржуазному. Творчество В. Шекспира было высшим и вместе с тем глубоко демократичным выражением лучших сторон английского Возрождения.

О жизни великого драматурга сохранилось мало сведений. Он начинал одновременно и как актер, и как драматург, и как поэт, создавая свои произведения для широкого круга зрителей. Действие его пьес происходит не в современной ему Англии, но образы им созданные, их мысли, чувства, отношение к жизни принадлежат целиком его эпохе. Могучий реализм Шекспира, богатство идей, многогранность образов, необыкновенная драматичность конфликтов, глубина трагизма, неподражаемый юморизм, высокая поэтичность принесли его пьесам бессмертие. Велика глубина его проникновения в человеческие переживания, велика также и его вера в человека. Всегда, даже в самых печальных своих трагедиях, драматург противопоставляет злодейству могучие силы добра.

Замечательные сонеты Вильяма Шекспира красноречиво говорят о нем как о великом лирическом поэте.

Произведения писателя переведены на множество языков, но наибольшее количество переводов сделано на русский. Его творчество стало достоянием широчайших слоев всех народов нашей социалистической страны.

Я ОЗАГЛАВИЛ свои заметки словами из знаменитого монолога Гамлета: не ради броского названия: именно так встал передо мной вопрос, когда в 1939 году — четверть века назад — я столкнулся с этой труднейшей ролью.

Быть мне Гамлетом или не быть, более того — быть мне актером или не быть — вот мысли, которые одолевали меня тогда. Хотя к тому времени я работал в театре имени Хамзы уже десять лет и сыграл несколько серьезных ролей, но сомнения в правильности избранного пути меня не покидали. И великий Шекспир должен был разрешить эти сомнения.

Участвуя в спектакле «Гамлет» с Гамлетом про-

славленным Абрамом Хидоятовым, я играл сначала Розенкранца, а затем — Лаэрта. Работая над этими ролями, я знакомился с историческими и литературными материалами. В моем воображении возникали картины средневековья. Но смысл этого первого знакомства с Шекспиром был не только в этом. Я учился смотреть на самого Гамлета глазами го Розенкранца, го Лаэрта. Это позволяло мне под различными «ракурсами» воспринимать самого Гамлета. И все же, когда в 1939 году во второй сценической редакции (постановка была поручена М. Уйгуру и В. Чиркину) наряду с Абрамом Хидоятовым роль Гамлета должен был репетировать и я, мною

овладел страх. Да и в коллективе это вызвало оживленную дискуссию. Одни опасались, другие тревожились, третьи успокаивали. Откровенно говоря, на первых порах мне казалось, что правы сомневающиеся. Но поддержка Маннона Уйгура и Абрама Хидоятова их помощь дали мне силы преодолеть тревогу и сомнения.

Нечего греха таить — в те годы я только подходил к пониманию роли. Не все, далеко не все было мне ясно в образе Гамлета. Как, впрочем, и сейчас: я продолжаю «открывать» все новые его стороны. Не все его действия и мысли я мог оправдать психологически. Я довольно откровенно подражал Абраму Хидоятову, но, разумеет-

ся, далеко не так органично, уверенно осуществлял его замысел.

А о масштабах образа и мастерстве исполнения и говорить не приходится. Я рассуждал тогда так: надо «мобилизовать» те средства, в которых считаю себя сильным. Дело в том, что с детства я увлекался классической поэзией Востока. Мне нравилась ее музыкальная напевность, величая торжественность, дидактический характер. Но механически перенеся тогда эти особенности в сценическое искусство, я невольно пришел к декламационности, к любованию позой и жестом, к назидательной интонации. И мой Гамлет первых представлений порой напоминал то сентиментального резонера, то романтического любовника. И хотя меня все более привлекал интеллект Гамлета, должны были пройти годы, прежде чем я «овладел» образом.

Роль такого масштаба становится «спутниками» всей творческой жизни. И «орбита» этих спутников по мере углубления в образ, проникновения в существо шекспировского характера характеризуется, как и наши современные космические спутники, все большим «апогеем» и «перигеем».

В 1949 году, когда М. Уйгур и Н. Ладыгин поставили «Гамлета» в третьей сценической редакции, я все внимание уделил тому, чтобы

усилить черты Гамлета-философа, передать одухотворенность его мысли.

Начиная с размышлений, с решения вопроса о том, как завязать борьбу, мой Гамлет затем вступал в схватку, сопровождая ее постоянным анализом, проверкой, раздумьями, сомнениями, и завершал спектакль как обвинитель мира зла. Не мне судить, насколько это удалось, но я стремился к тому, чтобы мой Гамлет — сын своего времени — эпохи Возрождения, вынося приговор настоящему и самому себе, обращал свой взор к будущему. Он понимал, в чем идеал подлинной человечности, но ощущал, как он далек от него. В этом его трагедия.

К сожалению, спектакль наш пыне «постарел», и «орбита» его проходит через «плотные слои штампов», столь опасных для истинного творчества. И сейчас, увы, можно поставить вопрос «быть или не быть «Гамлету» на узбекской сцене?». По-моему, «быть»! Но для этого нужна новая сценическая редакция, учительская и современные оценки шекспировского творчества и предполагающая вступление в постановку новых исполнителей.

В 1940 году мне поручили роль Яго, а роль Отелло исполнил имеющий мировую известность Абрам Хидоятов. Мой Яго действовал на Отелло не прямой клеветой, а ядом сомнений, коварст-

вом. Все началось с обиды Яго на Отелло, а затем уже он мстил Отелло за его величие и благородство, мстил за свою ничтожность. Он завидовал Отелло, его счастью, его удаче. Для меня, советского актера, показывая этого карьериста, чудовищного эгоиста, важно было раскрыть его современный смысл. Ведь Яго — типичное порождение своего времени, обобщенное выражение того зла, что рождено тем миром, где нажива, корысть и предательство — главные двигатели жизни.

Моя третья встреча с Шекспиром произошла в 1958 году, когда в спектакле «Юлий Цезарь» мне довелось сыграть роль Юлия Цезаря.

Меня не очень занимало доказать физическую слабость Цезаря, его одряхление, его глухоту. «Мой» Цезарь — властный, любящий позу, честолюбивый диктатор, уверенный в своей непогрешимости. Он сам — начало и конец всего. Он пренебрежителен к окружающим и убежден в своем абсолютном праве вершить судьбы других людей. Свои решения он рассматривает как обязательный для всех закон. Но за всем этим стоит страх, внутренняя тревога, нарастающая мания преследования.

Трудно сказать, удастся ли мне когда-нибудь сыграть еще одну шекспировскую роль, но эти три стали «уни-

верситетом человекознания и сценического мастерства».

Каждый, кто прошел эти «университеты», поманет добрым словом гениального автора. Каждый актер, серьезно работающий над шекспировскими ролями, обязательно становится пусть «маленьким», но шекспироведом. Стал им и я.

Да не счет читатель эти строки нескромными. Не так давно мне довелось побывать в Венгрии, в Будапеште. И, естественно, что я заинтересовался шекспировскими спектаклями современного венгерского театра.

Оказывается, после 1945 года не было ни одного сезона в Будапеште без пьес Шекспира. На этот раз в театре имени Мадача я посмотрел «Гамлет» с Миклошем Габор в заглавной роли. Это очень интересный спектакль и очень интересный Гамлет — умный, острый, отважный, мужественный, но полный сомнений и колебаний.

Однако (и вот здесь проявился обретенный мною «шекспироведческий глаз») мне показалось, что все сцены размышлений, философских раздумий проходят как бы второпях, между прочим: на них внимание зрителя не задерживается. Я не был с этим согласен и поделился своими впечатлениями

с работниками театра. И надо было видеть, как отзывчиво воспринимали наши венгерские друзья эти замечания.

Воспринимали, обдумывали, а затем, если соглашались, то вносили коррективы в спектакль. Ибо театр венгров и наш советский театр, и театры других народов мира, если только их коллективы стоят на прогрессивных реалистических позициях, в основе своего понимания Шекспира едины.

Шекспир покоряет глубоким проникновением в тайники души, широтой взгляда на мир, любовью к правде и верой в человека, словом, истинным гуманизмом, требующим непримиримой борьбы за высокие и светлые идеалы. И ставя сегодня вопрос Гамлета в самом широком философско-общественном смысле, мы, люди нового коммунистического мира, говорим: без слов «быть», чтобы уничтожить несчастье и горе на земле, чтобы построить счастливое общество, утверждающее на земле Мир, Труд, Свободу, Равенство, Братство и Счастье всех народов.

Алим ХОДЖАЕВ.
Народный артист СССР.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

ШЕКСПИР В ЖИЗНИ УЗБЕКСКОГО АКТЕРА

Люди. Даты.
События